

Алексей КОНДРАТЕНКО

ОРЁЛ ЛИТЕРАТУРНЫЙ 2021 • ОРЁЛ ЛИТЕРАТУРНЫЙ 2021 • ОРЁЛ ЛИТЕРАТУРНЫЙ 2021 • ОРЁЛ ЛИТЕРАТУРНЫЙ 2021 • ОРЁЛ ЛИТЕРАТУРНЫЙ 2021 • ОРЁЛ ЛИТЕРАТУРНЫЙ 2021

Кондратенко Алексей Иванович родился в 1964 году в Воронеже. Автор десяти книг в жанре литературного очерка и множества публикаций в крупных журналах и газетах России. Очерки включены в хрестоматию для школ и вузов «Писатели Орловского края XX век». Лауреат всероссийских литературных премий «Вешние воды» и «Отечественное» имени Н.М. Карамзина, премии имени А.Г. Кузьмина журнала «Наши современники». Член Союза писателей России. Живёт в Орле.

ОН ВЫШЕЛ РАНО, ДО ЗАРИ...

(К 100-летию со дня рождения Василия Рослякова)

Трудно определить двумя-тремя словами «ячейку» этого писателя в литературной истории Советского Союза и России. Военный писатель? Да, несомненно, фронтовик и партизан, автор повестей и романов о войне... Мастер «городской прозы», «деревенщик»? И это вполне верно – есть рассказы в чеховской и бунинской традициях о москвичах (сборник «Московские повести»), есть сельские истории (на склоне лет купил избушку на Владимирщине, стал почти деревенским жителем, издал книгу «Добрая осень» о Ставрополе). Так, может быть, очеркист? В значительной степени, таков – автор множества очерков, за темами для них ездил на Ангару к строителям Братской ГЭС, на КамАЗ, на прокладку газопровода Уренгой-Запад. А ещё поэт в юные годы, литературовед, преподаватель литинститута, член правления Союза писателей...

Студент, курсант, партизан

Это всё о нём – о Василии Петровиче Рослякове, о его многолетнем, каждодневном литературном труде, который стоит за названиями целой рос-

сыпи разножанровых произведений. Художник самобытный, со своим взглядом на самые разные жизненные явления и со своей свободной формой общения с читателем, он родился 17 марта 1921 года в городе Святой Крест (ныне Будённовск Ставропольского края) в крестьянской семье (можно предположить, что появился на свет не в самом городе, а в селе Архангельское, но в документах всегда указывал Будённовск). В 1937 году вступил в комсомол, два года спустя по окончании средней школы поступил на литературный факультет Московского института философии, литературы и истории имени Н.Г. Чернышевского. Когда началась Великая Отечественная война, по призыву Центрального комитета комсомола в августе 1941 года стал курсантом Подольского пехотного училища. Не с тех ли суровых дней его любимой песней стала «Скажи-ка, дядя, ведь недаром...»

В автобиографии писал: «В составе училища с октября по декабрь 1941 года участвовал в боях против немецких захватчиков под Малоярославцем, где и попал в окружение. При выходе из окружения на линии фронта был задержан немецкими войсками. По дороге в лагерь на

второй день сбежал от немецкой охраны, пользуясь лесной местностью. После этого решил идти к Брянским лесам. В январе 1942 года вступил сначала в местную партизанскую группу самообороны, а затем в отряд «Смерть немецким оккупантам». Был рядовым партизаном, участвовал в операциях по взрыву железнодорожных мостов между Брянском и станцией Синезёрки, в боях с фашистами. С июля 1942 года – сотрудник газеты «Партизанская правда».

Много лет спустя писатель Василий Росляков расскажет читателям о том, как новоиспечённый редактор Николай Коротков с нуля создавал боевой подпольный вестник: «Назначили его редактором, а типографии нет. До его родного Трубчевска далековато, и там были немцы, Суземка – под боком, к тому же очищена от оккупантов, стоял там отряд «За власть Советов», и Николай Петрович пошёл искать типографию в Суземку. Была пора половодья. Дороги развезло, Нерусса разлилась. Из Черни, где находился тогда штаб, Николай Петрович пошёл пешком. У железнодорожной станции по остаткам взорванного и рухнувшего в воду моста кое-как перебрался через речку – где по фермам, торчавшим из воды, где по пояс в бурлящей ледяной Неруссе. По шпалам добрался до Суземки. Немцы были выбиты отсюда, работал райком партии, работала Советская власть, в поселковом Совете по вечерам партизаны устраивали танцы. А типография была разбомблена. На деревянное зданьице упала бомба крупного калибра, и типографию разнесло в щепки. Николая Петровича привел сюда секретарь райкома.

– Всё, что осталось, – сказал он.

Секретарь ушёл, а Николаю Петровичу идти было некуда больше. Он бродил вокруг развалин, досадовал, думал и не мог придумать, где теперь искать, куда ехать, ведь кроме Суземки все остальные районные центры были под немцем. Ходил вокруг, думал. И вдруг под ногами, в песке, увидел кусочек металла, наклонился, поднял: литера, буква».

Больше недели разбирал пепелище и развалины будущий редактор, собрал остатки типографии. Заодно нашёл старого однорукого печатника, двух девушек – в довоенное время

учениц наборщика. А в корреспонденты определили Василия Рослякова. Почему именно его? Современный читатель его автобиографии, написанной в 1943 году, обязательно обратит внимание на почерк – аккуратный, мелкий и убогистый. Абсолютно отсутствуют грамматические ошибки, текст написан тонким пёрышком, что было редкостью в военные годы. Конечно, человек с такими способностями и прилежанием обязательно должен был оказаться на примете у партизанского командования.

Комиссар одного из отрядов Антон Фёдоров вспоминал, что редактор Коротков был весёлым и добрым человеком: «Он сумел быстро сколотить трудолюбивый и боевой коллектив редакции. Его корреспонденты непрерывно выезжали в партизанские отряды для получения новых материалов в газету. Сам Николай Петрович, несмотря на сложную боевую обстановку в партизанском крае, верхом на лошади скакал в партизанские отряды для проведения партийно-политической работы и ознакомления с положением дел на местах в отрядах. Он был не только редактором газеты, но и заместителем комиссара объединённых партизанских отрядов».

Примечательно, что в личном деле, хранящемся в бывшем Орловском партийном архиве, есть небольшой листок: «тов. Рослякова В.П. направить в распоряжение секретаря Навлинского РК ВКП(б) на должность зам. редактора районной газеты. 2.I.43 г.». Подпись можно разобрать с трудом, возможно, это решение подписал редактор «Партизанской правды» Коротков. Однако молодому партизану Рослякову в освобождённом от фашистов в марте 1943 года крае нашлась иная должность: до июня он работал заведующим районным отделом народного образования в Севске. С июля 1943 года – заместитель заведующего отделом пропаганды и агитации Орловского обкома ВЛКСМ (в Ельце, а затем в Орле). Центральным штабом партизанского движения в сентябре 1943 года был награждён медалью «Партизану Отечественной войны» I степени.

В характеристике, подписанной секретарём Орловского обкома ВЛКСМ Цыганковым, отмечалось: «За время работы в аппарате обкома

ВЛКСМ в должности заместителя заведующего отделом пропаганды и агитации по тылу врага с июня по декабрь 1943 года показал себя активным, добросовестным, дисциплинированным, политически грамотным, морально выдержанным комсомольским работником. Имея опыт партизанской борьбы, тов. Росляков уделяет много внимания работе комсомольских организаций в партизанских отрядах. Активно принимал участие в выпуске листовок для тыла [т.е. оккупированной территории]. Им лично была написана брошюра о герое-комсомольце Владимире Рябок».

В литературном Орле, в редакции...

Литературные способности молодого комсомольского работника стали определяющими в его дальнейшей судьбе. Кому, как не недавнему заврону и партизанскому журналисту, в освобождённом Орле предложить написать заметку о первом учебном дне? 3 октября 1943 года (учебный год тогда начался 1 октября) он рассказывал читателям «Орловской правды»: «В вестибюле 26-й средней школы Орла висит лозунг «Добро пожаловать!». Тепло и приветливо встречают детей родные классы. Стены украшены лозунгами. Они напоминают ребятам об их долге перед Родиной – отлично учиться».

Звонок – и дети, выстроившись в своих классах, организованно выходят в зал на торжественное собрание.

...Учительница литературы Мария Ивановна Литвинцева начинает свой первый урок в 8-м классе с беседы.

– Помните, ребята, – говорит она, – что победа далась нелегко. Отвоевывая вам право учиться, жить свободными, ваши отцы и старшие братья не жалели жизни. Учитесь так, чтобы вырасти их достойной сменой».

Уже в декабре 1943 года Росляков был назначен на должность технического редактора Орловского книжного издательства. Через месяц стал заведовать только что созданным в «Орловской правде» отделом культуры и быта (одновременно, по сведениям на февраль 1944 года, являлся военным корреспондентом редакции).

Евгений Горбов вспоминал два десятилетия спустя жизнелюбие и жизненную хватку Рослякова, его юношеский азарт, неперебродивший молодой хмель:

«В ту зиму [1943 – 1944 гг.] я довольно близко сошёлся с нашим новым сотрудником – бывшим партизаном Василием Росляковым. Инициатива, пожалуй, исходила от него. Однажды он долго сидел над газетой, где был напечатан один из моих очерков, затем поднял голову и вдруг сказал:

– Ты, Горбов, пишешь так, что при чтении твоих очерков кажется, будто читаешь книгу...

Я посмотрел на него: нет, не шутит. Напротив, его лицо и голос были проникнуты почтительным удивлением, и эту фразу надо было принимать как комплимент. Очевидно, Росляков хотел принести мне – автору нескольких повестей и рассказов – дань бескорыстного уважения. Я не особенно высоко ценил свой газетный очерк, однако возражать не стал. Пусть хвалит, если ему хочется».

Росляков был строен и смазлив. В его смуглом худощавом лице с размётанными бровями, с прямым, тонко очерченным носом и твёрдо сжатыми, как бы капризными губами, в пышном ворохе его сухих, чёрных, слегка вьющихся волос было что-то южное, экзотическое, придававшее ему сходство не то с цыганом, не то с жителем кавказских гор. Это сходство усиливали выразительные бархатистые глаза. Они могли быть равнодушными, холодными, даже злыми, но если Рослякову что-либо нравилось или он хотел понравиться сам, глаза эти становились необыкновенно ласковыми, нежно-преданными и просились прямо в душу. Когда я смотрел на него со стороны, в его гибкой, подвижной фигуре мне всегда чудились игривость беззаботного котёнка и охотничья упругость рыси.

Росляков умел необыкновенно быстро сходиться с людьми. С мужчинами он был дружелюбно прост, с женщинами – рыцарски галантен. Можно было позавидовать лёгкости, с которой он завязывал знакомства и заводил разговоры с любым новым человеком. Так же легко и просто ладил он со всеми сотрудниками и с начальством... Эта счастливая черта характера помогала ему обходить многие препятствия

и избегать лишних недоразумений. Материалы его шли в газету почти без задержки.

Я не помню случая, когда бы Росляков затеял крупный разговор или ссору с сослуживцами. Были, правда, небольшие исключения. Однажды он отнёс на машинку свою статью, и когда через час или два пришёл за нею, оказалось, что она ещё не отпечатана. Старушка-машинистка смущённо перетряхнула всю папку: статья лежала внизу.

– Ну, что-о-о это?.. – начал Росляков.

Голос его как-то сухо заскрипел, лицо странно изменилось. Брови поползли к переносице, нос прогнулся, рот сложился подковой, и углы его угрожающе опустились вниз. Казалось, сейчас грянет буря. Но тут Росляков, оглянувшись, увидел, что он не один в комнате, и его лицо сразу приняло обычное выражение. Он только положил статью поверх других материалов, хлопнул по ней ладонью и отрывисто сказал:

– Сделайте это срочно...

Через минуту он был таким же общительным и дружелюбным, как всегда».

Горбову запомнилось, как их вдвоём в феврале 1944 года отправили в недельную командировку по районам Брянщины (до июля того года они входили в состав Орловской области). Приехали и морозным утром зашли на рынок, чтобы купить хоть что-то съестное. Нашлась только каша в жестяных мисках:

«– Пробирает... – сказал я, смахивая слезинку.

Росляков взглянул на меня с комическим отчаяньем и вдруг ударился в настоящий пляс. Он выкидывал вперёд колени, поддёргивал плечами, отбивал чечётку, подпрыгивал; миска в его руке то взлетала выше головы, то опять оказывалась возле рта. Это было похоже на испанскую пляску. Я посмотрел на Рослякова и стал проделывать то же самое. Так мы плясали, не переставая выгребать свои миски, ветер раздувал полы наших гремучих тулупчиков, а бабы смотрели на нас, выпячивая мощные животы, одобрительно приговаривая:

– Кушайте, мальчики, кушайте...

Помнит ли, как мы рыскали по суровой Брянщине, заходили в райкомы и сельсоветы, в школы и клубы, сидели на колхозных собраниях и на вечерах художественной самодеятельности,

заглядывали в жестяночные, валяльные и деревообделочные мастерские. Наши блокноты без дела не лежали. В них появлялись всё новые и новые записи о немецких зверствах, о подвигах партизан, о том, как люди вчерашнего подполья, выйдя из лесных землянок, с первого дня начали налаживать своё хозяйство, учить детей, делать ведра, сани, сапоги и лопаты.

В те дни я по-настоящему оценил своего спутника, его расторопность, смекалку, весёлый и пробойный характер. Росляков не любил теряться и быть в дураках. Если можно было, он действовал улыбкой и уговором, нельзя – угрожающе сводил брови и шёл напролом. С ним легко было переносить все невзгоды нашей поездки».

Вполне возможно, что удалство Василия Рослякова было наследственной чертой. Пока он партизанил, а потом работал в газете фронтовой области, немало отличился на фронте и его отец, гвардии старшина Пётр Росляков. На войну ушёл в августе 1941 года, награждён медалью «За оборону Сталинграда». Будучи по должности старшиной 1-го батальона 294-го гвардейского стрелкового полка 97-й гвардейской Краснознамённой стрелковой дивизии (1-й Украинский фронт), на общественных началах был ещё и парторгом роты. 25 августа 1944 года в бою на правом берегу Вислы уничтожил более десяти фашистов. Как отмечалось в наградном листе, всегда бесперебойно обеспечивал подразделение питанием и боеприпасами. Наградили его и орденом Красной Звезды: «В период боёв за плацдарм на западном берегу реки Одер с 26 января по 5 февраля 1945 года в трудных условиях переправы полностью обеспечил роту доставкой боеприпасов и продовольствия... Как парторг 29 января 1945 года повёл роту в атаку, первым ворвался на окраину города Олау и закрепился на верхних этажах домов, откуда открыл по противнику шквальный огонь. При очистке города с группой бойцов лично захватил 15 пленных». Затем был награждён вторым орденом Красной Звезды.

Такой же наградой вскоре отметили и сына: в августе 1946 года указом Президиума Верховного Совета СССР за доблесть и мужество, проявленные в партизанской борьбе, Василий был

награждён орденом Красной Звезды. В Орле журналист-орденоносец чувствовал себя уверенно: ему выделили жильё по адресу: ул. Розы Люксембург, дом 49 (здание до наших дней не сохранилось), в апреле 1944 года Заводским райкомом был принят кандидатом в члены ВКП(б), спустя год получил партбилет. В зимнее время любимым занятием молодого журналиста было катание на коньках, летом – плавание, гимнастика.

Публикации Рослякова на страницах областной газеты были посвящены теме восстановления: открывались школы и клубы, больницы, библиотеки и музеи, люди стремились в творчестве выразить трагизм и героизм войны. Сам Росляков не без успеха пробовал силы в поэзии: в «Орловской правде» было напечатано три десятка его стихотворений, многие потом вошли в местный литературный альманах и коллективные сборники (по большому счёту, в итоге могла бы получиться небольшая авторская поэтическая книжка).

Несмотря на открывавшиеся перспективы творческого роста, свою работу в редакции областной газеты Росляков рассматривал как временное дело.

Исследователь публицистики

При первой возможности он восстановился в МГУ. Поначалу жил на два города: учёба в столице чередовалась с работой в «Орловской правде». На каникулах Росляков непременно трудился в редакции, летом 1947 года исполнял обязанности ответственного секретаря.

В 1950 году окончил филологический факультет, в 1954 году защитил кандидатскую диссертацию на тему «Советский послевоенный художественный очерк». Спустя два года выходит в свет его книга «Советский послевоенный очерк». Монография принесла автору признание и широкую известность (книга была и первой на такую тему, рецензентами рукописи выступили писатели Мариэтта Шагинян и Леонид Кудреватых).

Книга сразу поставила его в ряд наиболее крупных исследователей отечественной публицистики (кстати, сразу после её выхода в свет

Росляков был приглашён на работу в выпускавшее её издательство «Советский писатель»). Ему прочили научную карьеру: казалось, рукой подать до защиты докторской диссертации и должности профессора МГУ. Но замысел монографии был с подвохом – давая оценку старшим коллегам по писательскому цеху, сам ещё не будучи членом Союза писателей, Росляков немало рисковал. В будущем молодая самонадеянность могла отозваться серьёзными конфликтами и проблемами.

Начав как журналист, поэт и литературный критик (в 1958 году его принимают в Союз писателей СССР), Росляков в зрелые годы стал писать прозу. Как бы случайно, без предварительной договорённости принёс в редакцию журнала «Новый мир» рукопись своей первой повести – повести о войне, лиричной, нежной и столь трагичной в финале.

Рукопись попала на глаза главному редактору Твардовскому. Тот сразу отдал её в набор, отметив всего несколько погрешностей и попросив сменить вычурное название на что-то простое и точное. Так появилось заглавие «Один из нас»...

Правдивое повествование о первом, самом трагическом периоде Великой Отечественной войны вызвало большой интерес: повесть выходит во 2-м номере журнала «Новый мир» за 1962 год и вскоре – отдельным изданием, затем несколько раз переиздаётся. Рослякову предлагают сделать на её основе киносценарий. Задача оказывается не из простых – ныне в Российском государственном архиве литературы и искусства сохранилось четыре (!) варианта сценария «Первый снег».

В основе фильма, посвящённого поэтам, не вернувшимся с войны, – подлинные события из биографии самого Рослякова. По сюжету юный поэт Коля Терентьев приезжает в Москву и становится студентом ИФЛИ. На первом комсомольском собрании Терентьева выдвигают в институтский комитет, но узнав о том, что его родители раскулачены, председательствующий ставит вопрос о его пребывании в комсомоле. За начинающего поэта, автора поэмы о красном комиссаре, вступаются друзья и однокурсники. Вечером в институте выступают поэты Всеволод Багрицкий, Николай Майоров, Павел

Коган, Михаил Кульчицкий – они не вернутся с фронта. Новый год ребята встречают все вместе у Наташи. Туда заходит на несколько минут Ласточкин – Колин друг и земляк – проститься перед отъездом на финский фронт. Ребята говорят не только о жизни, поэзии, но и о победе в надвигающейся войне...

Режиссёрами фильма «Первый снег», снятого на киностудии имени М. Горького, были Борис Григорьев и Юрий Швырёв, оператором Пётр Катаев, музыку написал Владимир Рубин. Актёры Родион Нахапетов, Алексей Локтев, Наталья Величко, Жанна Прохоренко, Валерий Носик, Михаил Глузский, Алексей Миронов. Премьера состоялась ровно через неделю после того, как страна впервые широко и торжественно отпраздновал юбилей Великой Победы, – 16 мая 1965 года.

В последующие годы из-под пера Рослякова выходят масштабные прозаические произведения: «Обыкновенная история», «От весны до весны» (о событиях «оттепели» на журфаке МГУ), «Утро» (первоначальное название «В начале дней»), «Мы вышли рано, до зари», а также рассказы и очерки.

Орловские силуэты

Ставрополец по рождению, Росляков считал Орловщину своей второй малой родиной. Да, у него, уже давно столичного жителя, не осталось здесь родных людей, но были друзья и близкие товарищи. В редакции «Орловской правды» трудились однокашники по ИФЛИИ Владимир Комов и Анатолий Яновский. Ещё одни ифлиец, Леонид Афонин, стал известным литературоведом и историком литературы, одним из первых в Орле членов Союза писателей СССР, директором музея И.С. Тургенева, заведующим кафедрой литературы пединститута.

Но, пожалуй, самым близким другом Рослякова в Орле ещё с военных лет оставался Евгений Горбов. Они вели переписку, Росляков планировал написать брошюру о своём орловском друге для издательства «Советская Россия», даже запрашивал для этого у Горбова биографическую справку и копии писем к нему знаменитостей.

В письмах откровенно делился с Горбовым: «Влез я в новую службу – заведующий редакцией критики и литературоведения “Советского писателя”... Сотни имён, сотни книг и рукописей, и у каждой из них свои особые обстоятельства. Всё сие надо усвоить и знать назубок, чтобы легче было воз-глав-лять». Ещё отрывок: «Предлагают мне идти заместителем редактора “Лит[ературной] газ[еты]”... Но замом я туда, конечно, не пойду. Хочу поработать ещё в издательстве – зав. редакцией прозы».

В архиве Музея И.С. Тургенева сохранилась подборка телеграмм и писем к юбилеям Горбова, были поздравления к датам родной «Орловской правды». Удивительно схожи почерки Горбова и Рослякова (вплоть до размера букв, интервала между строками). Но письма их друг другу смотрятся всё-таки довольно формальными, прочной канвы переписки не складывалось: лишь старая дружба авторов посланий и не более того. Горбов искал у Рослякова поддержки и защиты (столичный писатель!) в бесконечных недружелюбных дебатах вокруг рукописей. А Горбов был нужен Рослякову как подсказчик для ориентации в орловской литературно-административной среде. Возможно, Росляков собирал материал для будущей автобиографической книги. Возможно,

не мог пройти мимо фактов, связанных с судьбами писателей-классиков. Возможно, имел в виду будущее какое-либо участие в орловских писательских делах – составлении коллективных сборников, юбилеи, творческие семинары.

Орловщина так или иначе присутствует во многих книгах Рослякова и его публикациях в периодике. Так, летом 1954 года он напечатал в газете «Орловский комсомолец» репортаж «В павильоне ЦЧО» (это была часть тематической страницы «Школа передового опыта» с ВДНХ). Как странно и выпендрено звучит финал репортажа, даже не верится, что эти строки принадлежат перу такого и искреннего и вольнолюбивого писателя: «Какой великой школой для тружеников сельского хозяйства станет эта выставка. Здесь щедро представлены плоды социалистической деревни, здесь можно увидеть науку и технику наших колхозов и совхозов, их неисчерпаемые возможности к дальнейшему расцвету; здесь как бы собраны воедино воля и разум работников социалистических полей, сосредоточен в огромных масштабах научный и практический опыт строительства коммунизма».

Росляков побывал на Орловщине в 1959 году, о чём опубликовал путевые заметки в «Орловской правде» («Магистраль и просёлки») и «Литературной газете» («На земле Орловской»). Спустя четыре года в издательстве «Советская Россия» вышла повесть Рослякова «Обыкновенная история», где был нарисован образ скромной и мужественной девушки Лены Гордеевой, которая живёт в Орле на одной из Пушкинских улиц. Окончив курсы водителей, работает в театре кукол. В середине 1950-х годов по путёвке комсомола уехала в Сибирь на строительство алюминиевого комбината. Героиня повести постоянно тепло вспоминает свой родной город. Большую часть повести составляет её переписка с оставшимся в Орле другом (жанр книги так и обозначен: «повесть в письмах»). Леонид Афонин так отзывался на эту повесть: «История, рассказанная Василием Росляковым, – грустная и светлая, надолго запоминающаяся, – она волнует, заставляет задуматься. Написана повесть подкупающе просто и достоверно. Автор говорит о героях горячо, заинтересованно, восхищаясь

красотой дел и помыслов наших молодых современников, открыто атакуя цинизм, пошлость, ханжество».

В октябре 1963 года в трёх номерах «Орловской правды» был напечатан рассказ Рослякова «Человек с острова Аксай» – как будто выхваченный фотовспышкой яркий момент авантюрной хрущёвской поры. А вот отрывки из его более позднего рассказа «Девочка, или История, если хотите, моей жизни»: «Поезд шёл на юг. В Орле пышно цвела сирень, её продавали с перрона. Молодая женщина принесла в купе махровый букет, налила воды в банку и поставила в нее сирень. Прохладный, освежающий душу запах распространился по всему вагону. Над Орлом рассветало утро.

...Запах сирени приятно кружил голову, я слушал рассеянно, выходил курить, снова возвращался и слушал. Нехитрый разговор не мешал думать своё. ...о дороге и о весне, о сирени, об Орле, где одиноко жили мои старики, о войне, конечно, вспоминалось, другие были дни, давно отгорели, нестрашные теперь. Весь мир, видимый и невидимый, проносился в голове, не задерживаясь и почти не задевая души. За окном громающего и как бы прихрамывающего вагона текли поля орловские».

Зачин рассказа «Красные берёзы» взят из редакционных будней журналистов послевоенной «Орловской правды»: «Когда Сергиевская ГЭС была построена, к нам, в редакцию газеты, пришла странная рукопись. Раскроенные мешки из-под цемента были прошиты с одной стороны шпагатом, так что получилась тетрадь, только очень огромная. В этой тетради то карандашом, то разными чернилами, но одним и тем же корявым почерком была написана поэма-хроника о сооружении межколхозной Сергиевской ГЭС имени Сталина».

Так отзывались в памяти прозаика его журналистские встречи начала 1950-х годов – о строителях электростанции он написал тогда очерк «Новые люди» (Орловская правда, 1951, 5 сент.) и стихотворение «Межколхозная ГЭС», напечатанное в «Орловской правде» 21 октября 1951 года и сборнике «Родимый край» (Орёл, 1952).

Особенно пронзительно трогает орловская тема в рассказе «Последняя ложь». Фабула,

на первый взгляд, не нова – накануне смерти главный герой Александр Иванович вспоминает прожитую жизнь. Однако обозначенный Росляковым конфликт был исключительно дерзок для прозы советского времени: старик вдруг понимает, что в нём все эти годы жило как бы два человека. Одни – ярый рубака, сельский бунтарь и селькор-правдоискатель, а другой – старший редактор издательства, участник войны, награждённый орденами и медалями, член профкома и прочее, и прочее – вечный приспособленец, конформист, «только прикидывавшийся живым и настоящим».

Так описан ключевой эпизод: «Мужик поднялся в нем, давний, молодой орловский мужик, из-под Русского Брода. Он лежал, не шевелясь, с закрытыми глазами, и нигде ему не было больно, и не слышал он своего сердца, поэтому вдруг показалось, что ничего этого нет, никакой больницы, никакого ожидания, а есть блаженно присмиривший, полный сил молодой мужик из-под Русского Брода. Но вот оно опять споткнулось, и Александр Иванович сразу вспомнил, что умирает. Твою богородицу... Слабенько стонала в нем матерщина. А ведь тогда, под Русским Бродом, не было в нем этого, нынешнего, он был цельным, не раздвоенным. Самоотверженно боролся с кулачеством, как с классом, писал заметки в уездную и даже в губернскую печать, и псевдоним у него был – Фридрих Энгельс. На селе с мужиками, дома, в комсомольской ячейке – везде говорил одно, верил в одно и даже во сне верил в то же, во что верил и не во сне, ненавидел больше всего двурушников, врагов народа, которые говорили одно, а думали и старались делать другое. И вот докатился, дожил. Два теперь человека в нем, он теперь двуликий». Определение «орловский» в этом контексте – значит настоящий, верный. Как противоположность «московский» – ненастоящий, подставной. Не случайно, Рослякову всегда были близки слова Лермонтова: «История души человеческой, хотя бы самой мелкой души, едва ли не любопытнее и не полезнее истории целого народа». И, действительно, за судьбами героев писателя вставала большая народная судьба...

В числе написанного Росляковым особенно выделяется роман «Последняя война» (перво-

начальное, рабочее название – «Здравствуй, оружие»). Первая книга романа была напечатана в «Нашем современнике» (1972, № 7, 8), в том же году издана в «Советском писателе». Вторая книга появилась в этом же журнале год спустя (1973, № 6, 7), вскоре вышла отдельным изданием – в «Современнике» (1974). Писатель и литературный критик А.И. Кондратович назвал роман «панорамным произведением, обнимающим историю партизанского движения на Брянщине».

Нет смысла пересказывать содержание книги. С документальной, хроникальной точностью Росляков показывает читателю, как в исключительно сложных условиях крепла партизанская сила в борьбе с врагом, как рождалась партизанская печать, какой яростной была борьба за души и умы людей на оккупированной территории. Росляков часто повторял: «Писатель – это память народа». И не просто повторял, а всегда старался следовать этому предназначению. По роману «Последняя война», пожалуй, можно изучать географию запада военной Орловской (ныне Брянской) области: Севск, Брасово, Суземка, Навля, Трубчевск, множество других точек и линий на карте. В книге приведено большое количество документов. Но дело не только в фактографии и достоверности.

Это художественное произведение большой силы. Очень важно, чтобы будущие поколения были знакомы с такими книгами, находили в них ответы на вопросы своего времени. В доказательство приведём выдержки из отзыва литературного критика Алексея Кондратовича: «Росляков создаёт ряд полнокровных характеров. Прежде всего образ главного героя Славки Холопова, друга его Гоги Партеспаняна, встретившегося ему во время горького мыканья по вражескому тылу, мамыши Сазоники, приютившей бежавших из плена, комиссара партизанского отряда Сергея Васильевича, бывшего до войны секретарем райкома, редактора партизанской газеты Николая Петровича, куда попал Славка, поскольку учился на филолога, партизанского публициста Александра Тимофеевича Бутова, учившегося когда-то у самого Брюсова, то есть в Брюсовском институте, что и Славке при всей его ифлийской подготовке в диковинку, девушек

Аню, Ньюру, Светлану, в которых Славка поочередно влюбляется, и каждый раз ему кажется, что на всю жизнь... И здесь мы замечаем уже другую особенность романа – ветвистость его сюжетных линий, стремление автора по возможности объять всю сферу этого значительного исторического явления – партизанского движения. Иначе говоря, устремленность к эпике, широкозахватности, многообразию, в конечном счёте, выражению общенародного патриотического духа, владевшего умами и сердцами множества множеств людей. Росляков написал роман о партизанском движении в брянских лесах с момента его зарождения и до слияния с возвратившейся в те края Красной Армией. Всё в романе достоверно, документально точно (вплоть до вкрапленных в роман подлинных приказов, протоколов, газетных заметок) и психологически убедительно, поскольку нигде не упрощено и не спрямлено, не сглажено... Широко романно-эпический партизанский фон и отлично выписан».

А вот мнение Александра Рекемчука: «Россыпь событий в «Последней войне» такова, что многие из них могли бы стать основой самостоятельного развёрнутого произведения... Выбранный автором метод повествования определил его густую «населённость» персонажами, которые, появляясь в романе ненадолго, запоминаются благодаря чёткости психологических характеристик». Было множество отзывов о романе в журналах, сборниках литературных критиков.

Время итогов

Ставропольский писатель Василий Грязев вспоминал о Рослякове так: «Душа нараспашку, любовь к цветным рубашкам, юмор, умение разговаривать любого молчуна, а иногда некоторая расхристанность, что ли. За все годы нашего знакомства я никогда не видел на нём галстука».

А вот каким запомнился Росляков Ивану Подсвинову, когда приезжал в Орёл на заседание совета по русской прозе при Правлении Союза писателей РСФСР в мае 1979 года: «Внешне живой, весёлый, внутренне – страдающий человек. Не высок и не низок, плотен, броваст. Глаза синеватые, с поволокой, при виде красивой женщины водит ими, как мартовский кот.

Натурально близкими к оригиналам изображает знакомых лиц, особенно подружек писателей из «литфонда переходящих жён». Иронично, но не зло рассказывал о своих переделкинских соседях – Павле Нилине и Петре Сажине, их бесконечных препирательствах между собой. Икры ног у В.П. бугристые, вспухшие, обмотаны до колен бинтами. «Надо, в мае 1979 года говорит, – делать операцию на венах, но всё не решусь». Натура художественная, память на жесты и выражения».

Невзирая на обстоятельства и невзгоды, он всегда был оптимистом, всегда воодушевлял друзей и младших товарищей по перу: «Будем жить долго, писать будем лучше». А ведь кроме собственно творчества, множество сил писателя было затрачено на выполнение общественных нагрузок, редактирование, преподавание, переводы.

Он переводил на русский язык произведения прозаиков Эстонии, Молдавии, Абхазии, Туркмении, Киргизии. Выступал в качестве рецензента рукописей прозы, преподавал на факультете журналистики МГУ, в конце 1970-х годов вёл семинар в Литинституте. Был членом правления Союза писателей РСФСР с 1975 по 1990 год.

Одно из важнейших дел последних лет жизни – участие в редакционной коллегии такого масштабного проекта, как издание Библиотеки русской художественной публицистики. Более 30 сборников вышли в издательстве «Советская Россия» в 1980-е годы: Ломоносов, Радищев, Карамзин, Пушкин, Достоевский, Л. Толстой, Горький, Пришвин, А. Толстой, А. Платонов, Паустовский, Шолохов...

В послевоенные годы литературный труд Рослякова, его ратные заслуги были оценены высоко. Помимо наград 1943 – 1946 годов, он был удостоен орденов Отечественной войны II степени (1985), Трудового Красного Знамени, «Знак Почёта», Дружбы народов. В 1983 году ему была присуждена премия ВЦСПС (Всесоюзный совет профсоюзов) и Союза писателей СССР.

Умер Василий Петрович Росляков в декабре 1991 года в Москве.

В плеяде авторов художественных произведений о Великой Отечественной войне имя

Рослякова вряд ли можно отнести к числу наиболее известных. Однако эта «забывчивость» не делает чести тем, кто составляет рекомендательные списки и готовит тематические литературные обзоры. Росляков уже одним тем заслуживает благодарной памяти потомков, что он написал целый ряд правдивых книг о военном времени, в том числе повесть «Один из нас» и роман «Последняя война».

Поразительно, но факт: за минувшие три десятилетия после смерти писателя его произ-

ведения ни разу не выходили отдельными изданиями. В какой-то мере читательский интерес ныне могут удовлетворить электронные тексты, размещённые на ряде сайтов в Интернете. Ставропольским краевым отделением Союза писателей России совместно с администрацией города Будённовска учреждена литературная премия имени Василия Рослякова.

Но, наверное, потомки могли бы сделать ещё многое для увековечения памяти этого незаурядного писателя, для переиздания его книг.

